

учащегося – музыкального восприятия. На основе полученных нами данных можно прогнозировать норму реакции теста для учащихся ДМШ (3-7 классы).

Валидность результатов МОДАМВ подтверждается как корреляцией с успеваемостью испытуемых, так и характеристиками учащихся преподавателями ДМШ.

Г.А. Глотова

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОЙ ПРИРОДЕ УСТАНОВКИ

В настоящее время исследования установки характеризуются большой мозаичностью. Установочные эффекты обнаруживаются в разных разделах психологии от психофизики до социальной психологии, но исследование этих эффектов не представлено в виде некой стройной системы. В каждом из разделов психологии разрабатываются свои представления об установке, ее видах и механизмах, создаются свои техники их выявления и изучения. Для исследований установки в настоящее время характерен ряд противоречий.

1. В качестве одного из противоречий можно отметить противоречие между значительным объемом фактического материала об установках и установочных эффектах, накопленного в разных разделах психологии, и отсутствием целостной системы теоретических представлений, которая позволила бы интегрировать эти разнородные данные об установке.

2. Еще одним противоречием является противоречие между расширительным подходом к установке, при котором с ней, фактически, связывают любые психологические феномены, оказывающие влияние на деятельность, действия и операции как отдельного человека, так и группы людей (это могут быть и способности, и черты характера, и психические состояния, и особенности конкретных психических процессов, и потребности, словом, все, что может в той или иной форме детерминировать деятельность отдельных людей и групп людей), и узким подходом, при котором установки рассматриваются как специфический феномен, отличающийся от любых других психологических феноменов.

3. Можно отметить также противоречие между формальным и содержательным подходами к изучению установок. Формальный

подход в большей мере характерен для психофизики и общей психологии, где вслед за Д.Н. Узнадзе, основное внимание уделяется изучению условий фиксации установок и определению их качественного своеобразия (контрастные, ассимилятивные), тогда как характер предъявляемых стимулов не представляет самостоятельного интереса. Содержательный подход к исследованию установок имеет место в социальной психологии, где важно, каким именно взглядам, идеям, представлениям и при каких условиях имеют склонность следовать отдельные люди или группы людей, тогда как вопрос о том, как и когда сложились (зафиксировались) эти установки, остается за кадром.

А.Г. Асмолов [2] первым обратил внимание на уровневый характер установки, обусловленный ее связью с деятельностью, действиями и операциями, и выделил смысловые, целевые и операциональные установки. Думается, что идея об уровневой природе установки имеет значительный эвристический потенциал и может быть использована для интеграции разрозненных данных об установке и ее механизмах в более целостную систему представлений.

Представляет интерес вопрос об особенностях подхода к исследованию установок в общей психологии и в социальной психологии. Эти исследования шли самостоятельными путями.

Известно, что понятие *установка* «первоначально было введено в экспериментальной психологии немецкими психологами для обозначения обусловленного прошлым опытом фактора (готовности действовать тем или иным образом), определяющего скорость реагирования на воспринимаемую ситуацию (Л. Ланге) и некоторые иллюзии восприятия (Г. Мюллер, Т. Шуман), а также для описания возникающего при постановке задачи неосознаваемого состояния готовности, обуславливающего направленность различных психических процессов (Н. Ах)» [10.С. 419]. В дальнейшем теория установки как общепсихологическая система представлений была разработана Д.Н. Узнадзе [11], который «развил представления об установке как «целостной модификации субъекта», его готовности к восприятию будущих событий и совершению в определенном направлении действий, что является основой его целесообразной избирательной активности» [10. С.420]. Позднее в рамках теории установки были «выявлены различные свойства (возбудимость, динамичность—статичность, пластичность—грубость, лабильность—

стабильность, иррадиация—генерализация) и виды установок (диффузная, дифференцированная, фиксированная)», показано, что «сочетания отдельных свойств установки образуют различные типы установок», а «психозы и неврозы находят свое выражение в патологических изменениях этих свойств типов установок» [9.С.382]. Продолжая разрабатывать общепсихологические аспекты проблемы установки, А.Г. Асмолов показал, что «содержание установки зависит от места объективного фактора, вызывающего эту установку, в структуре деятельности» и выделил «три иерархических уровня регуляции деятельности – уровни смысловых, целевых и операциональных установок», отмечая при этом, что «по происхождению смысловые установки личности производны от социальных установок» [10.С. 419-420].

У проблемы изучения социальных установок своя история. Г. Оллпорт считал родоначальником исследований по социальной установке Г. Спенсера, который в 1862 г. в книге «Первые принципы» впервые употребил этот термин. Однако в широкий научный обиход понятие социальной установки было введено в 1918 г. У. Томасом и Ф. Знанецким, и в дальнейшем социальная установка стала рассматриваться как «относительно устойчивая во времени система взглядов, представлений об объекте или событии, совокупность связанных с ними эмоциональных состояний, predisposing к определенным действиям», соответственно, в структуре социальной установки начали выделять три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий [9.С. 382].

Г.М. Андреева считает, что надо «точно развести сферу действия установок, как их понимал Д.Н. Узнадзе, и сферу действия «социальных установок»» [1.С.349]. Она подчеркивает, что предложенное Д.Н. Узнадзе «понимание установки не связано с анализом социальных факторов, детерминирующих поведение личности, с усвоением индивидом социального опыта, со сложной иерархией детерминант, определяющих саму природу социальной ситуации, в которой личность действует» [1.С.349], хотя при этом не отрицает, что в общей психологии разработан ряд понятий, которые очень близки по своему содержанию к понятию «социальная установка», такие как «отношения личности» (В.Н.Мясищев [8]), «направленность личности» (Л.И. Божович [4]), «личностный смысл» (А.Н. Леонтьев [7]; А.Г. Асмолов, М.А. Ковальчук [3]). Г.М. Андреева отмечает, что в западной социальной психологии

социальные установки – «аттитюды» – выделяются и изучаются отдельно от установок, соответствующих по смыслу установкам Д.Н. Узнадзе и обозначаемых термином «сет».

Г.М. Андреева пишет, ссылаясь на исследования Г. Оллпорта, проанализировавшего в 1935 г. 17 определений понятия «аттитюд» и выделившего в них общее, отмечавшееся всеми исследователями, что «аттитюд понимался всеми как: а) определенное состояние сознания и нервной системы, б) выражающее готовность к реакции, в) организованное, г) на основе предшествующего опыта, д) оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение» [1, С.353]. Если посмотреть на получившееся определение, то можно увидеть, что оно вполне может быть распространено и на установки, которые изучал Д.Н. Узнадзе, разве что только пункт о «состоянии сознания» может вызвать сомнения, поскольку Д.Н. Узнадзе считал установки бессознательными. Однако, на наш взгляд, вопрос о том, являются ли социальные установки (аттитюды) сознательными в отличие от бессознательных установок Д.Н.Узнадзе (сетов), требует дополнительного изучения. Если, например, человек чувствует и демонстрирует неприязнь к человеку иного этноса, то он, конечно, осознает эти свои негативные чувства, но он не осознает, что испытывать их его побуждает определенный аттитюд как неосознаваемая социальная установка, сформировавшаяся в истории общества и транслируемая из поколения в поколение в его собственном этносе. Посмотрим под этим же углом зрения на эксперименты Д.Н. Узнадзе. Испытуемый осознает, что ему предъявляют шары, в критической пробе осознает (иллюзорно), что шары неравные, то есть осознает их неравными, сознательно отвечает на вопрос, где, с его точки зрения, шар больше, но не осознает, что воспринимает он шары как неравные благодаря установке, сформировавшейся в установочной серии. Поэтому, повторяем, вопрос о соотношении сознательного и бессознательно как в социальных установках (аттитюдах), так и в классических установках Д.Н. Узнадзе (сетах) остается открытым.

Можно предположить, что общая психология имеет дело в своих исследованиях с некими психометрическими установками, относящимися к реальным социальным установкам аналогично тому, как психометрический интеллект относится к интеллекту человека, реализуемому при решении разнообразных житейских, учебных и профессиональных задач разного уровня сложности.

Изучение психометрических установок позволяет выявить некие всеобщие закономерности и механизмы, которые в особенной и единичной форме реализуются в конкретных разновидностях установок, в том числе и социальных, вплетенных в ткань любой деятельности – игровой, учебной, профессиональной, коммуникативной, познавательной, репродуктивной, творческой, ориентировочной, исполнительской и др.

Таким образом, за социальными установками, которые являются осознаваемыми, открывается пласт неосознаваемых социальных или личностных (смысловых) установок. Например, если человек постоянно меняет свои осознаваемые социальные установки, то за этим стоят его личностные установки – установки другого уровня: установка на конформизм, на неконформизм или на самоопределение. Возможно, таким образом, что есть неосознаваемые смысловые социальные установки, и есть осознаваемые целевые социальные установки. Соответственно, могут быть и операциональные социальные установки. Возможно, конформизм, неконформизм и самоопределение – это операциональные социальные установки (ср. с ассимилятивными и контрастными иллюзиями, а также с отсутствием иллюзий).

Таким образом, к социальным установкам может быть применена идея А.Г. Асмолова о смысловых, целевых и операциональных установках. К установкам же в общей психологии – идея о различении аттитудов и сетов и о возможности рассматривать, как изменяются аттитуды под действием тех или иных факторов и условий. Можно также ставить вопрос о влиянии изучения социальных установок на изучение установок в общей психологии и наоборот. Различные идеи, высказанные в каждом из разделов психологии, могут быть использованы в другом.

Отметим еще один момент сходства, который бросается в глаза, когда рассматриваются установки (сеты) в общей психологии и социальные установки (аттитуды) в социальной психологии. Он заключается в том, что и там и там экспериментально изучаются, фактически, только целевые (индивидуальные и коллективные) и операциональные (индивидуальные и коллективные) установки. Смысловые же установки (индивидуальные и коллективные) экспериментально практически не исследуются (возможно, в силу их сложности). Авторы лишь отмечают, например, что «по происхождению смысловые установки личности производны от

социальных установок» [10, С.420]. При этом в общей психологии изучаются смысловые образования, ценностные ориентации, но конкретно смысловые установки, их особенности, динамика, типы и др. не рассматриваются. Сходная ситуация и при изучении социальных установок (аттитюдов) – затрагиваются, фактически, только целевой и операциональный уровни данных установок. Смысловой же уровень социальных установок, требующий выхода в более широкий социальный контекст, не исследуется, что и было одним из оснований для критики проводимых в этом ключе на Западе исследований со стороны отечественных представителей психологической науки. «Основной порок различных концепций и экспериментальных исследований социальной установки, проводимых на Западе, состоит в том, что, претендуя на рассмотрение социальных отношений личности к различным объектам и условиям существования, авторы этих исследований ограничивают область социально-установочной регуляции поведения некими абстрактными условиями, вне их связи с конкретно-исторической социально-экономической системой, историей и тенденциями ее развития. Социальные установки рассматриваются главным образом на уровне микросреды индивида, при почти полном игнорировании общих социальных условий его жизнедеятельности. Между тем именно эти общие условия не только определяют специфику микросреды, в которой проявляются социальные установки, но они же детерминируют и динамику изменения социальных установок. Понять и до конца объяснить специфику социальных установок индивида без изучения системы общественных отношений, в которые он включен, невозможно» [9.С.383]. Думается, что то, что этот текст был написан в «доперестроечный период», не умаляет его значимости: истоки социальных установок смыслового уровня могут быть найдены только на уровне макросоциальной среды, а никак не на микросоциальном уровне. В то же время понятно, что западная социальная психология не выходит на этот уровень – уровень экономических, политических, этнических и иных отношений, с одной стороны, в силу их сложности, с другой стороны, по причине научного разделения труда (эти сферы жизни общества изучаются отдельными науками – экономическими, политическими, историческими, социальными и др.).

В отечественной психологии попытка, с одной стороны, интегрировать представления об установках, рассматривавшихся Д.Н. Узнадзе, и социальных установках, а с другой стороны, учесть детерминированность поведения и деятельности личности общими социальными условиями ее жизни, была предпринята в диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности, разработанной В.А. Ядовым [16]. Он использует обобщающий термин «диспозиция», и выделяет четыре иерархически организованных уровня диспозиций: 1) диспозиции, представленные элементарными фиксированными установками в понимании Д.Н. Узнадзе (сет); 2) диспозиции, представленные социальными фиксированными установками (аттитудами), выражающими отношение к отдельным социальным объектам; 3) диспозиции, представленные базовыми социальными установками, выражающими отношение к значимым социальным областям; 4) диспозиции, представленные системой ценностных ориентаций личности, выражающих отношение к наиболее значимым целям социальной активности личности и средствам достижения этих целей [16].

Концепция В.А. Ядова является довольно стройной системой представлений, однако, на наш взгляд, она оставляет без ответа многие вопросы, касающиеся феномена установки, которые теперь приходится переадресовывать диспозициям. Возникают и новые вопросы, в частности, о соотношении ценностных ориентаций и установок: являются ли ценностные ориентации разновидностью установок или ценностные ориентации актуализируются в форме установок, но тогда каких?

Если же рассматривать проблему социальных установок (аттитудов) в той форме, в которой она реализуется в западной социальной психологии, то можно отметить, что некоторые идеи, разрабатываемые относительно социальных установок, можно в той или иной форме применить и к изучению установок в понимании Д.Н. Узнадзе.

Одной из таких идей является идея Н. Рокича о различении двух аттитудов – на объект и на ситуацию, высказанная им в связи с экспериментами Лапьера, сначала посетившего с двумя студентами-китайцами 252 отеля, в 251 из которых их гостеприимно приняли, а через два года пославшего в эти отели письма, где он просил принять его с теми же студентами, но в этом случае за одним

исключением получил отказы или уклончивые ответы. Н. Рокич считал, что в первом случае мы имеем дело с аттитюдом на ситуацию (приезд клиентов, следование нормам сервиса со стороны администрации отеля), а во втором случае – это аттитюд на объект (неприязнь к китайцам) [1, С.356]. Фактически, речь идет о том, что по отношению к некоторому объекту, взятому в отдельности, установка (аттитюд) может быть обусловлена одними механизмами, а по отношению к тому же объекту, но ставшему частью некоторой сложно структурированной ситуации, установка может быть обусловлена иными механизмами.

Думается, что нечто подобное может иметь место и при исследовании установок, которые изучал Д.Н. Узнадзе. В «установочных задачах» (назовем «установочными задачами» (УЗ) задания, с помощью которых экспериментатор пытается выявить у испытуемого установочные эффекты) могут использоваться как предельно просто структурированные стимулы (как было в экспериментах самого Д.Н. Узнадзе), так и стимулы, весьма сложно организованные в пространственном и временном аспектах. В этих двух случаях можно ожидать преимущественного участия в образовании установки разных механизмов, что должно привести к различиям в проявлении установочных эффектов.

Сходная картина и с идеей Д. Катца и Стотленда о том, что в разных ситуациях может проявляться то когнитивный, то аффективный компонент аттитюда, что приведет к разным результатам [1.С. 356]. Аналогичным образом можно предположить, что «установочные задачи» типа предлагавшихся Д.Н. Узнадзе приводят к актуализации разноуровневой системы механизмов отражения и оценки предъявляемых стимулов. При этом разные по структуре «установочные задачи» могут приводить к доминированию тех или иных механизмов, что также должно отразиться в установочных эффектах.

Все сказанное позволяет говорить не только об уровневой природе установки, но и о ее системной природе, проявляющейся, прежде всего, в том, что установка может быть *индивидуальной* и *коллективной*. Индивидуальные установки характерны для отдельных конкретных людей, а коллективные – для различных групп людей (групп больших и малых). И в том и в другом случае установки могут быть *смысловыми*, то есть связанными с мотивами деятельности индивидуальной или деятельности групповой (этот

уровень установок обычно не осознается или маскируется защитным механизмом рационализации); *целевыми*, обусловленными сознательно поставленными или принятыми целями индивидуальной или групповой деятельности (это осознаваемый уровень установок); *операциональными*, обусловленными условиями, в которых осуществляется индивидуальная или коллективная (групповая) деятельность (данный уровень установки обычно не осознается, но может стать частично осознаваемым, если обусловленные этим уровнем установки результаты резко расходятся с результатами, ожидаемыми на основе целевой установки).

Между индивидуальными и коллективными (групповыми) установками имеются сложные взаимосвязи. Так, в установках отдельного человека, наряду с его личными смысловыми, целевыми и ситуационными установками, представлены и коллективные (групповые – семейные, родовые, профессиональные, этнические, общечеловеческие) смысловые, целевые и ситуационные установки, как осознаваемые, так и неосознаваемые. Эту представленность коллективного в индивидуальном отмечали многие исследователи: у З. Фрейда [12] это суперэго как «общество внутри человека», у К.Г. Юнга [15] – коллективное бессознательное и его архетипы. Поэтому многоуровневая система установок, характерная для отдельного человека, имеет как минимум два основных уровня – уровень индивидуальных и уровень коллективных установок, на каждом из которых есть по три подуровня – смысловых, целевых и ситуативных установок. На всех уровнях и подуровнях установки представлены своими содержательными и формальными составляющими, которые могут становиться предметом исследования как раздельно, так и во взаимосвязи. Также на всех уровнях и подуровнях система установок может анализироваться в разных планах: от широкого плана (как множество любых детерминант, оказывающих влияние на деятельность человека), до узкого, где установочная детерминация деятельности, действий и операций относительно автономизируется от детерминации деятельности, действий и операций другими психологическими феноменами и механизмами.

Наряду с системной природой установки можно говорить еще и об уровнях и механизмах ее существования и актуализации в

деятельности. На основе анализа литературы можно выделить такие уровни актуализации установки, как:

1. Установка как *предрасположенность* (к деятельности, действиям и операциям определенного характера и качества).
2. Установка как *готовность* (к осуществлению в определенный момент и в определенных условиях деятельности, действий и операций определенного характера и качества).
3. Установка как механизм *инициации и реализации* деятельности, действий и операций.

Изучение установок возможно только в процессе деятельности: естественной (игровая, учебная, трудовая, коммуникативная, познавательная и другие виды деятельности) или искусственной (деятельность по решению особых «установочных задач», представляющих собой наборы заданий, структурированные таким образом, чтобы создавались условия для возникновения и актуализации *формальных* (как в психофизике и общей психологии) или *содержательных* (как в социальной психологии) установочных эффектов).

Если рассматривать систему установок в широком смысле, то в качестве модели можно взять все многообразие различных типов детерминации, характерных для физического мира (своего рода «физическая метафора»): это и инерция, и причинно-следственные связи, и взаимосвязь потенциальной и кинетической энергий, и обусловленность процессов, происходящих на макроуровне, процессами, относящимися к микроуровню, и т.д.

Исследуемая в психологии со времен Д.Н. Узнадзе установка может быть рассмотрена в контексте более широкой философской проблемы - проблемы движения как атрибута материи. Ф.Энгельс писал, что «движение, в применении к материи, - это изменение вообще» [13]. Движение несотворимо и неуничтожимо, формы движения многообразны от механического перемещения до общественной жизни и мышления. Изучение движения в физике привело к открытию Г. Галилеем закона инерции, который затем был окончательно сформулирован Ньютоном как первый закон механики Ньютона. Закон инерции гласит, что «всякое тело сохраняет свое состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, пока и поскольку не вынуждается приложенными силами изменить это состояние». Отсюда инерция – «это свойство тела сохранять состояние движения (в частности, относительного покоя)

при условии взаимной компенсации испытываемых им внешних воздействий, а под влиянием внешней силы изменять свою скорость на конечную величину за конечный промежуток времени. Промежуток времени, необходимый для изменения скорости тела на данную величину под действием данной силы, тем больше, чем больше инерция тела» [14, С.685].

Можно предположить, что поскольку движение - это любое изменение, то для любых качественно различающихся форм движения можно выявить и соответствующие качественно различные формы проявления инерции. Отсюда следует, что человеческая деятельность как одна из высших форм движения вообще также не может не характеризоваться инерцией. Инерция при осуществлении любой деятельности проявляется в том, человек испытывает трудности, начиная какую-то деятельность, переходя от относительного покоя к деятельности, а затем может испытывать трудности, когда ему необходимо под влиянием неких внешних по отношению к данной деятельности обстоятельств что-то коренным образом изменить в этой деятельности.

В соответствии с представлениями А.Н. Леонтьева [7] о структуре деятельности и идеями А.Г. Асмолова [2] об уровневой природе установки, можно говорить о проявлениях инерции на уровне целостной деятельности (инерция деятельности, инерция мотивов и смыслов деятельности), на уровне действий (инерция действий, инерция целей), на уровне операций (инерция операций, инерция отражения условий, в которых реализуется цель) и на уровне выделенных В.П. Зинченко [6] психофизиологических реализаторов операций (инерция физиологических и психических процессов). Если рассматривать вслед за А.Н. Леонтьевым [7] и П.Я.Гальпериным [5] выделение ориентировочной и исполнительной частей деятельности, то можно сказать, что инерция характерна как для исполнительной части деятельности, так и для ориентировочной.

Феномен инерции люди часто отмечают в своей повседневной жизни и профессиональной деятельности, когда допускают различные ошибки (обычно так и говоря: «я сделал это по инерции», «я сделал это по привычке»). Проблема инерции дает о себе знать практически во всех разделах психологии, описываясь при этом с помощью разных понятий и терминов. В бихевиоризме и теории условных рефлексов И.П. Павлова инерция дает о себе знать

благодаря временному интервалу, необходимому для образования навыка, формирования условного рефлекса, а затем благодаря временному интервалу, необходимому для их переделки под влиянием изменившихся условий жизни или эксперимента. В психоанализе феномены инерции проявляются, с одной стороны, во влиянии детских переживаний на жизнь взрослого человека, а с другой – в феноменах, обозначенных З. Фрейдом как «психопатология обыденной жизни». В психофизике и когнитивной психологии – это ошибки типа «пропуска цели» и «ложной тревоги». В связи с феноменом инерции в психофизике при определении абсолютных порогов чувствительности используют стимулы, предъявляемые в последовательностях на «возрастание» и на «убывание». В теории Ж. Пиаже явления инерции дают о себе знать в форме ассимиляции схем как составной части процесса адаптации, а также в феноменах декаляжа, когда в одних модальностях может наблюдаться отставание по сравнению с другими модальностями. В психологии мышления явления инерции можно наблюдать в исследованиях, посвященных изучению гибкости и ригидности мышления. В теории поля К. Левина инерция обнаруживается в спонтанном возобновлении испытуемыми деятельности после ее прерывания. В социальной психологии моменты инерции проявляются при исследовании аттитудов, диспозиций, атрибуций, стереотипов.

Наиболее явно феномен инерции оказался представленным в психологии установки, основоположником которой явился Д.Н. Узнадзе [11]. Установки, которые изучал Д.Н. Узнадзе, согласно предложенной А.Г. Асмоловым [2] систематизации, должны быть отнесены к категории операциональных установок, за которыми еще открываются установочные (инерционные) эффекты, характерные для психофизиологических реализаторов операций (В.П. Зинченко [6]).

Для чего нужно, рассматривая проблему установки, обращаться к понятию инерции? Для того чтобы разобраться в некоторых вопросах, а именно, как связаны установка и деятельность; что чему предшествует, установка деятельности или деятельность установке; что значит установка как готовность к деятельности, как стабилизатор деятельности и др.

Инерция неразрывно связана с любым движением, а значит, не только с перемещением, но и с изменением, развитием, с любой

формой активности, с любой формой деятельности, приобретая в связи с этими разными видами движения разные формы проявления феноменов инерции. В этом смысле взаимосвязь деятельности и установки можно понимать как частный случай взаимосвязи движения и инерции.

На наш взгляд, при изучении проблемы установки следует различать как минимум два различных явления.

Во-первых, это моменты инерции, которые есть неотъемлемая часть любого движения, любой деятельности, любого действия или операции. Как инерция в физике (обратимся опять к «физической метафоре») может проявляться в сохранении телом равномерного прямолинейного движения, так установка в психологии позволяет разворачиваться человеческой деятельности, выступая фактором ее стабилизации. В этом случае задача психологического исследования может заключаться в том, чтобы в ходе специально организованных экспериментальных процедур обнаружить эти проявления инерции для различных уровней организации деятельности (деятельности в целом, действий, операций, психофизиологических реализаторов операций), обнаружить разнообразные проявления инерции в деятельности, различающихся по содержанию (трудовая деятельность, учебная, спортивная, общение, решение теоретических или практических задач, мнемическая деятельность и др.), в деятельности, различающихся по сложности (простая и однообразная деятельность, предполагающая выполнение одной и той же операции, или сложная деятельность, включающая множество различных перцептивных, мнемических, когнитивных и других операций), по степени ее освоения (на начальном этапе освоения и на уровне ее выполнения профессионалом). В этом случае осуществление одного фрагмента деятельности, действия или операции обеспечивает готовность (как возможность) к осуществлению другого фрагмента деятельности, действия или операции.

Во-вторых, это проблема взаимосвязей между различными деятельностями, различными действиями или различными операциями, где они могут предшествовать друг другу или следовать друг за другом, включаться в деятельность одновременно или последовательно, образовывать подсистемы внутри систем более высокого уровня и т.д. В этом случае формы активности разнородны и одна деятельность (действие, или операция) может

создавать готовность к осуществлению другой деятельности (действия или операции), а может и препятствовать их осуществлению. Другими словами, одна деятельность (действие или операция) может выступать в качестве «внешней силы» («физическая метафора») по отношению к другой деятельности (действию или операции), блокировать или трансформировать ее. В этом случае промежуток времени, который уходит на блокировку или трансформацию деятельности тем больше, чем сильнее установка, связанная осуществлением исходной деятельности.

Отметим, что рассмотренное подразделение на два вида феноменов, связанных с проблемой установки, является относительным, и то, являются ли некоторые деятельности (действия или операции) однородными или разнородными, зависит от «угла зрения» исследователя, от тех задач, которые он перед собой ставит. Однако в конкретных экспериментальных исследованиях такое подразделение является полезным и позволяет проследить динамику эффектов установки в зависимости от различных факторов.

Уже в исследованиях Д.Н. Узнадзе было показано, что существуют такие эффекты установки, как контрастная и ассимилятивная иллюзии, а также, что эффекты установки могут отсутствовать. Каждая из иллюзий может быть оценена не только качественно, но и в количественном отношении. Вроде бы никаких иных вариантов эффектов установки, кроме этих трех (отсутствие эффекта, ассимиляция и контраст), не существует. Однако можно предположить, что конкретных проявлений данных эффектов установки может быть множество, поскольку «отсутствие эффекта», «ассимиляция» и «контраст» на разных структурных уровнях деятельности, в разных видах деятельности (различающихся в зависимости от их содержания и особенностей реализующих их механизмов), при разных вариантах взаимодействия между ними, могут соединяться самым причудливым образом. Выявить все частные проявления эффектов установки невозможно, как невозможно изучить все конкретные виды деятельности, когда бы то ни было осуществлявшие люди, но можно выявить в экспериментальных исследованиях некоторые факторы, влияющие на качество и величину эффектов установки. Можно также попробовать выяснить, за счет каких механизмов получен тот или иной эффект установки.

Анализ литературы и наши экспериментальные данные дают основание предположить, что контрастные иллюзии в экспериментах Д.Н. Узнадзе обусловлены особенностями процессов, происходящих на сенсомоторном уровне, где различные группы рецепторов или различные группы мышц функционируют по принципу синергии. Например, последовательный образ в зрительной модальности вполне может интерпретироваться как установочный эффект в варианте контрастной иллюзии. Здесь может изучаться зависимость между временем фиксации *постоянного* стимула и временем сохранения контрастного последовательного образа. Можно предположить также, что в случае, когда фиксация установки осуществляется, как в экспериментах Д.Н. Узнадзе, путем предъявления *постоянных* стимулов (большого шара в одну руку и маленького в другую руку), то ощущения, связанные с сенсомоторной активностью каждой из рук, в критической серии оказываются контрастными, что и влияет на результирующий установочный эффект, который в экспериментах Д.Н. Узнадзе является преимущественно контрастным.

Иное дело ассимилятивные иллюзии. Можно предположить, что они обусловлены особенностями процессов, происходящих на перцептивном уровне, изучению которого большое внимание уделили в свое время гештальтпсихологи. Изучая законы гештальта и факторы, влияющие на формирование гештальта, исследователи выявили множество иллюзий восприятия, обусловленных особенностями структурной организации предъявляемых стимулов. С этой точки зрения, используемые Д.Н. Узнадзе для фиксации установки два шара постоянного, но разного размера, представляют собой постоянную стимульную структуру, которая на перцептивном уровне отражается как единое целое, как гештальт. Гештальт же характеризуется способностью структурировать стимульный материал, «дополнять» недостающий стимульный материал до целостной структуры, как это было в классических экспериментах гештальтпсихологов, где в недостаточно структурированном стимульном материале испытуемые видели «круги», «треугольники», «квадраты», хотя в стимульном материале углы, например, отсутствовали. В экспериментах Д.Н. Узнадзе установочная серия предъявлений шаров приводит к формированию гештальта как целостной перцептивной структуры, действие которой приводит затем в критических предъявлениях к

искажению восприятия стимулов, их иллюзорному отражению в соответствии с данным гештальтом, что порождает ассимилятивный установочный эффект. При этом стимульный материал в экспериментах Д.Н. Узнадзе настолько слабо структурирован, что у большинства испытуемых доминирующими оказываются механизмы сенсомоторного, а не перцептивного уровня, что проявляется в резком преобладании контрастных иллюзий как установочных эффектов над ассимилятивными.

Таким образом, при решении «установочных задач», например, на сравнение шаров по величине испытуемыми могут использоваться две стратегии.

Первая стратегия состоит в том, что испытуемый, опираясь преимущественно на механизмы сенсомоторного уровня, оценивает ощущения от каждого из шаров в отдельности и затем в каждом из предъявлений сравнивает эти ощущения. В этом случае в критической серии возникает явление контраста ощущений в одной или в обеих руках (в зависимости от того, был или нет какой-то из равных стимулов таким же, как ранее предъявлявшийся в соответствующую руку), что при последующем сравнении ощущений приводит к установочному эффекту контрастного типа.

Вторая стратегия при том же стимульном материале встречается реже и заключается в том, что оба шара разного, но постоянного размера, с первых же предъявлений отражаются во взаимосвязи, то есть как целостная структура, где в одной руке шар всегда больше, чем в другой. В ходе установочной серии фиксируется именно это вскрытое в первых предъявлениях соотношение, оно, как и гласит один из законов гештальта, начинает доминировать в структуре целого над входящими элементами, и особенности образа, связанного с конкретной рукой, отходят на второй план, образуя относительно деструктурированный *фон* восприятия, на котором в каждом из последующих предъявлений четко выступает хорошо структурированная *фигура* восприятия, где всегда шар с одной конкретной стороны больше, чем с другой. Эта стратегия приводит в критических предъявлениях к появлению эффектов установки ассимилятивного типа.

Данные две стратегии можно рассматривать как *установочные стратегии операционального уровня*. При этом в гаптической сфере в силу ее специфики вторая стратегия используется, вероятно, значительно реже, чем первая. И вероятно неслучайно, что

гештальтпсихологи наиболее детально изучали не гаптическую сферу, а зрительную, где процессы структурирования проявляются более отчетливо.

Представляют интерес случаи «отсутствия эффекта» при решении «установочных задач». Здесь можно предположить два варианта: а) бессознательное наложение первой и второй стратегий друг на друга, что приводит к нейтрализации эффектов; б) сознательное, опирающееся на принятую условную цель, стремление к правильному решению «установочных задач», что дает возможность каждое из предъявлений рассматривать как самостоятельную (а не серийную) задачу, задачу уникальную и неповторимую, возможно, содержащую какую-то головоломку, то есть лишь по видимости простую и банальную, что не позволяет в полной мере развернуться ни контрастным, ни ассимилятивным (гештальтным) механизмам. Последнюю стратегию можно рассматривать как *установочную стратегию целевого уровня*.

Экспериментально выявить эти стратегии и изучить влияние на их реализацию различных факторов можно при условии разработки стимульного материала, более сложно структурированного, чем тот, что использовался в классических экспериментах Д.Н. Узнадзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Изд-во МГУ. 1988.
2. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М.: Изд-во МГУ. 1979.
3. Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977.
4. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1969.
5. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во МГУ. 1976.
6. Зинченко В.П. О микроструктурном методе исследования познавательной деятельности // Труды ВНИИТЭ. Вып. 3. М., 1972.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 1975.
8. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960.
9. Психологический словарь / Под ред. В.В.Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983.
10. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат. 1990.
11. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси. 1961.
12. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука. 1989.
13. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т. 2.

14. Энциклопедический словарь. Т.1. М.: Изд-во «Большая советская энциклопедия». 1953.

15. Юнг К. Г. Алхимия снов. СПб.: Тимошка, 1997.

16. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

Г.А. Глотова, А.П. Касатов

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТИЛЕВЫХ УСТАНОВОЧНЫХ ЭФФЕКТОВ

Анализ методик исследования

В данном исследовании для изучения установочных эффектов использовалось три методики – методика Д.Н. Узнадзе, известная как «метод фиксированной установки», методики «Возрастающий ряд» и «Экспонента», представляющие собой варианты одного из методов психофизического шкалирования – метода оценки величины. Во всех случаях в качестве стимульного материала использовались черные круги на белом фоне. Методики «Возрастающий ряд» и «Экспонента», будучи одинаковыми по стимульному материалу, различались по способу выявления установочных эффектов.

Поскольку метод фиксированной установки Д.Н. Узнадзе является широко известным, то основное внимание уделим анализу методик «Возрастающий ряд» и «Экспонента», где в качестве стимульного материала предъявлялись черные круги, упорядоченные по диаметру от 1 см до 10 см, а испытуемые получали инструкцию: «Выразить с помощью чисел величину предъявляемого круга, приняв первый круг за 1». Критическими являлись круги 11-й и 12-й, равные по диаметру 10-му кругу.

Анализ показывает, что необходимо сначала разобраться в том, что представляют собой предъявляемые стимулы – круги. В методике «Возрастающий ряд» и во всех других методиках, где используются круги, надо учитывать, что круг – это очень сложный стимул, который может рассматриваться с точки зрения его диаметра, длины окружности, площади круга, а также поверхности шара и объема шара, проекцией которого круг является.

Испытуемые в условиях неопределенной инструкции («выразить с помощью чисел величину предъявляемого круга, приняв первый круг за 1») могут, не отдавая себе отчета (то есть неосознанно),